

БИТВА

РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ В СИРИИ

БАТАЛЬОНУ

The background image shows a man in a red jumpsuit standing on a rock, facing away from the camera with his arms outstretched. He is looking towards a dramatic sunset or sunrise over a battlefield. In the sky, there are two military helicopters. In the background, there is a large, ruined city with arches and columns, possibly Aleppo. The overall tone is somber and heroic.

ОРАНЖЕВАЯ РУБАШКА
СМЕРТНИКА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Сергей Иванович Зверев
Оранжевая рубашка смертника
Серия «Битва за Пальмиру.
Российский спецназ в Сирии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22472385

Оранжевая рубашка смертника / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-93102-6

Аннотация

В центре Дамаска взорван автомобиль. Случайным свидетелем теракта оказался капитан спецназа ГРУ Борис Котов. В его руки попала сумка одного из сообщников террористов с уликами, изобличающими секретный центр боевиков. Группа спецназовцев отправляется в рейд, чтобы ликвидировать центр. В результате жестокого боя Котов попадает в плен к террористам, где среди прочих содержится сирийский адмирал. Именно от него зависит судьба мирных переговоров в регионе. Вырвать его из лап убийц становится для Котова вопросом жизни и смерти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Иванович Зверев

Оранжевая

рубашка смертника

© Зверев С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

Средиземноморское побережье Турции. Курорт Белек

В 40 километрах на восток от города Анталия по побережью протянулись пляжи элитного турецкого курорта Белек. Двадцать километров самых дорогих отелей и вилл, чистых песчаных пляжей, лазурного моря, тенистых сосновых и эвкалиптовых рощ, высаженных почти два столетия назад. Состоятельных людей сюда привлекал целебный воздух, питанный незабываемым ароматом сосновых рощ, и высококачественный уровень обслуживания. Каждый отель был уникален по своей архитектуре, каждый располагал огромными бассейнами, SPA-центрами и фруктовыми садами.

Расположенный на территории национального заповедника, курорт предлагал изумительные верховые прогулки к водопаду Манавгат и по парку Каньон Кеprüлю. Сюда съезжались любители рафтинга, парасейлинга¹, других водных видов спорта. Но самое главное, курорт имел отличные поля для гольфа, которые проектировали лучшие дизайнеры Европы. Сегодня Белек считается самым популярным гольф-центром мира. Или считался.

Почти пустынные пляжи, стопки белых пластиковых ле-

---

¹ Рафтинг – спортивный сплав по горным рекам и искусственным гребным каналам на многоместных надувных судах (рафтах). Парасейлинг – это полет на парашюте (парасейле) за катером.

жаков, пустынные дорожки вокруг бассейнов отелей. На одном из шести кортов двое пожилых шведов неумело играли в теннис, то и дело попадая мячом в сетку. Трое мужчин расположились у бассейна в плетеных креслах под цветными тентами и молча наблюдали, как официант расставляет на столике коктейли и вазы с фруктами. Даже он, вымуштрованный, как и весь персонал отеля, выглядел каким-то одиноким и унылым. Сделав обязательный полупоклон-полукивок головой, официант покатил по дорожке свою тележку в другую часть территории, где две зрелые дамы лениво плескались у бортика бассейна.

Двое из мужчин в креслах имели типичные европейские лица, а третий выделялся среди них чуть смуглой кожей и характерными арабскими чертами. По-английски он говорил бегло и чисто, но больше, как казалось, мужчина с арабскими чертами предпочитал молчать. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что его собеседниками были специальный представитель ЦРУ в Ближневосточном регионе бригадный генерал Алан Фердисон и сотрудник внешнеполитического ведомства США Джордж Бартон. То и дело поправляя очки в тонкой оправе на худом интеллигентном лице, Бартон делал внушение своим собеседникам с видом терпеливого и мудрого учителя колледжа.

– Ваше ведомство, генерал, – пристально глядя на Фердисона, говорил он, – в лице комитета начальников штабов, и ваше порождение, в лице генерального секретариата НАТО,

действуют, увы, как на танковом полигоне. А это политика, это область тонких инструментов и чувствительных рук хирурга. Это же все очень откровенно.

– Перестаньте, Джордж, – усмехнулся генерал. – Вы определяли стратегию, а не мы. Вам нужны были нефтеносные районы и полный контроль над ними, вам нужны были лояльные правительства и преданные режимы. А наше дело – вскинуть руку под козырек и сделать всю грязную работу. Мы вам давали информацию, вы принимали решения и докладывали в «Овальный кабинет»².

– Стратегию разрабатывали мы, – терпеливо ответил Бартон, разглядывая скуластое загорелое лицо генерала, – но ошибки в оперативной информации, ошибки в оценке последствий делали не мы.

– Ситуация меняется постоянно, и со скоростью сверхзвукового самолета, – упрямо возразил генерал. – Невозможно просчитывать шаги участников кризиса на столько шагов вперед, как бы вам этого хотелось. Никто не верил, что Россия решится на применение своих воздушных сил в Сирии. Да, их президент явно не хотел отдавать Сирию вам, политические волки. Но что он сделает это столь решительно... А вы настаивали. Настаивали, несмотря на то что Россия в 2008 году в Грузии показала, что не боится уже никого.

– Господа, – неожиданно подал голос араб, почти не от-

---

² Овальный кабинет (*англ.* Oval Office) – имеется в виду рабочий кабинет президента США в Белом доме.

рываясь от соломинки, торчавшей из стакана с коктейлем, – увольте меня от ваших споров. Вы это могли сделать и раньше, до того, как вызовете меня сюда.

Бартон открыл было рот, но промолчал, лишь недовольно потер вспотевшую переносицу. Фердисон взял со стола пачку с сигаретами и поднес к носу, вдыхая запах.

– М-да, – наконец произнес генерал и выудил двумя пальцами из пачки сигарету. – Шалуб, собственно, прав. Сейчас обсуждать эти вопросы просто бессмысленно, поскольку решение принято опять же в Белом доме. Скажите, Ахмед, действительно моральный и боевой дух вооруженного ополчения сейчас настолько слаб, как это пытаются показать русские в средствах массовой информации?

– Не может боевой дух ослабнуть у тех, кто сражается за веру, – жестко ответил араб.

– Я вас умоляю, – пробормотал Бартон и принялся наливать себе в бокал сок.

– Я имею в виду фанатиков, – спокойно ответил Шалуб. – Дезертируют наемники, которым не платят или платят с большой задержкой. Дезертируют те, кого загнали в ряды боевиков насильно или обманом.

– Вот видите, – кивнул Фердисон, – Ахмед все понимает, он в той среде варится. Это информация из первых рук. И он не фанатик, он объективен в своих оценках.

– Вы давно получили американское гражданство, Шалуб? – спросил вдруг дипломат.

– Я – гражданин по рождению. Гражданство заслужил еще мой отец. Вы не знали?

– Ахмед Шалуб имеет звание майора по нашему ведомству, – подсказал Фердисон. – Неужели вы думаете, что я привел бы сюда простого агента-наемника? Итак, наша задача – сорвать Женевскую встречу.

– Совершенно точно, генерал. Поскольку коалиция и наши российские партнеры, как и их сирийские друзья, так и не сошлись во мнении, кого считать террористами, а кого борцами за свободу, мы должны остановиться на тех группировках в среде оппозиции, на которых может распространяться наше влияние. Или влияние наших политических союзников.

– Турции? – снова спросил араб со странной интонацией.

– Я вас умоляю, – снова усмехнулся дипломат. – Анкара играет свою роль, и играет ее прекрасно. Эрдоган даже переигрывает, но это нам на руку. Он увлекся и забыл свое место, но пока это не важно.

– Саудовская Аравия, Йемен, – затягиваясь сигаретой, заговорил Фердисон, – выбирайте любого спонсора. Важны не участники встречи в Женеве, важна причина, по которой они эту встречу покинут, как капризные подростки. Нужна хорошая диверсия.

– Наконец-то, – хмыкнул Шалуб, потягивая коктейль и глядя на голубую воду бассейна.

– Вы должны использовать ситуацию, – предложил ди-

пломат, – чтобы сорвать переговоры по мирному урегулированию ситуации в Сирии и одновременно внести раскол в назревающие союзнические отношения между Францией и Россией. Белому дому очень не нравится, что у берегов Сирии торчит авианосец «Шарль де Голль», что с его палубы взлетают боевые самолеты, которые атакуют наземные цели без согласования с заинтересованными сторонами.

– Зачем вы допустили эти террористические акты в Париже? – спросил Шалуб. – Это было лишним. Европа и так трещит по швам из-за наплыва мигрантов отсюда и из Африки. Это вы здорово придумали. Вам бы еще стоит вложить в уста Оланда, а лучше госпожи Меркель слова, смысл которых сводился бы к тому, что русские бомбят, поэтому люди и бегут из Сирии, что тут гибнут тысячи и тысячи мирных граждан.

– Мы подумаем и об этом, – спокойно пообещал дипломат. – А сейчас я хотел бы обсудить основные положения будущей операции. Акция должна иметь далеко идущие последствия, всем должно стать понятно, что оппозиция Асаду не только в Латакии и Ракке, она есть и в Дамаске. И все эти плакаты с портретами Асада – не более чем политика режима, а истинные патриоты сражаются.

– Да, это будут сирийцы, – пообещал Шалуб. – Мы с генералом решим, кого нам перебросить из лагерей в Ираке на запад Сирии. Однако, господа, я понимаю несчастного Эрдогана.

– Вы о чем, Ахмед? – спросил генерал.

– Я? – Шалуб поднялся, поставил стакан на столик и сбросил с плеч купальный халат, обнажив крепкое спортивное тело. – Я о том, что президент России пообещал, что Эрдоган не отделается только одними помидорами. Вы выбрали прекрасное место для конспиративной встречи, господа, – опустевший из-за ответных российских санкций турецкий курорт.

Он подошел к краю бассейна и нырнул, вытянув вперед руки. Его загорелое тело вошло в воду почти без всплеска. Бартон откашлялся и слегка недовольным тоном заявил:

– Я, конечно, понимаю, что этот ваш агент мастер своего дела.

– Да, красиво он вошел в воду, – усмехнулся Фердисон, бросая окурок в пепельницу.

– О, господи, да я же совсем не об этом, генерал! – раздраженно отозвался дипломат.

Сирия, провинция Латакия. Аэродром «Хмеймим». База российских военно-космических сил

Полковник Сидорин в песочного цвета летнем обмундировании стоял возле экрана с указкой и комментировал изображение. В отдельном модуле штаба, отведенном военной разведке, шла речь об одном из командиров повстанческих оппозиционных отрядов Гиясе Турае, прославившемся тем, что он часто самолично казнил заложников, пленных. И делал это всегда на камеру, глумливо позируя чувством

безнаказанности. В средствах массовой информации многих стран Гияс Турая стали называть Гияс-Палач.

Капитан Котов смотрел на экран, где одетый в черное Гияс Турай разглагольствовал о том, что продажные европейские и американские политики и толстосумы вынуждают его делать то, что он делает – вести непримиримую борьбы за свою родину. А заодно они вынуждают его резать головы заложникам, демонстрируя этим свою преданность воле Всевышнего.

Взмах ножа, и тело, одетое в оранжевый балахон, падает к ногам палача, кровь толчками бьет из распоротой артерии на шее. Это уже восьмой кадр, который демонстрировал командирам своих оперативных групп полковник Сидорин. Майор Стрельников курил и шурился, глядя на сцены убийства. Капитан Белобородов чуть постукивал пальцами по крышке стола. Выглядело это нетерпеливым жестом офицера, который только и ждет команды броситься на поиски этого вурдалака.

– Прошу обратить внимание, – говорил полковник, – на постановку его руки во время нанесения смертельной раны.

– Левша, – констатировал Котов. – И еще у него какая-то травма локтевого сустава.

– Он весь какой-то травмированный, – проворчал Стрельников. – И шея у него плохо поворачивается.

– Молодцы, – похвалил Сидорин, – заметили. Скорее всего, это последствие ранения, полученного палачом два ме-

сяца назад, когда он попал под наши бомбы на одной из баз здесь, в Латакии.

– Я понимаю, Михаил Николаевич, – сказал Белобородов, – четкого изображения у нас нет, только в маске или размытые кадры фиговой съемки. Но, может, поймать парочку тех, кто его лично знал, да составить с ними фоторобот.

– Нет времени, мальчики, – покачал головой полковник. – Приказ получен ликвидировать его срочно. Но желательно взять живым и передать властям для справедливого правосудия.

– Если говорят «желательно», – вздохнул Котов, – то это следует воспринимать как приказ.

– Следует, – кивнул полковник и снова повернулся к экрану, на котором Турай был снят во время разговора с соратниками, затем запечатлен идущим с группой товарищей, потом идущий один. – Всмотритесь в эти кадры. Видите, как он чуть сутулится во время ходьбы. Так сутулятся очень высокие люди, но рост Турая не более ста восьмидесяти сантиметров. Причина в нарушении осанки, возможно, из-за занятия, связанного с долгим сидением за столом. Он был чиновником в сельскохозяйственном департаменте. Только потом, когда начались волнения, вдруг проявил свою гнусную натуру.

– Ну, понятно, – вздохнул Котов и пододвинул к себе карту на столе. – Тогда я возьму со своими ребятами южную часть провинций Хама и Алеппо. Я здесь работал и знаю

местность.

– Не думаешь, что Турай давно уже в самом городе? – спросил Белобородов, склоняясь к карте. – Если сейчас начнется наступление на севере Латакии и с юга перебросят сюда пару танковых батальонов, то Алеппо возьмут штурмом за неделю. Наш клиент, скорее всего, спрячется в городе.

– Мне кажется, он не дурак, – покачал головой Стрельников, туша окурок в пепельнице. – Из всего, что мы о нем знаем, он не дурак. Зачем ему в капкан лезть?

– Я согласен с Олегом, – подходя к столу, сказал Сидорин. – Невооруженным глазом видно, что сирийским войскам надо срочно занимать пространство вдоль турецкой границы, чтобы перекрыть поток помощи с территории Турции боевикам.

– Да, – ухмыльнулся Котов, – это и козе понятно. Этот Турай – парень хитровыкрученный. Он рисковать не любит. Такие вот, которые с садистскими наклонностями, очень любят жить и всегда отличаются здоровой и расчетливой трусостью. Когда армия Асада подойдет к Алеппо, Турай будет не по ту сторону, а по эту от линии соприкосновения сил. Где-нибудь на берегах озера Расум.

Сирия, провинция Алеппо, западнее города Эль-Хаммам
Наползали сумерки. Самое неудобное время для наблюдения на расстоянии. Ночной бинокль еще не поможет, а в обычном все начинает сливаться с серым цветом камней, ма-

шин, людей. И даже небо здесь с наступлением сумерек начинает казаться серым.

Котов лежал на холме, раздвинув ветки куста, и смотрел вниз, где в двух километрах в развалинах давно брошенного селения копошились люди. Их было не очень много, всего человек двадцать. И еще двое заложников, причем одна из них – женщина. Котов не сомневался, что эта группа и есть те люди, за которыми он охотился. Гияс Турай, приехавший в Алеппо по каким-то своим делам, возможно, для встречи с кем-то из высокопоставленных командиров вооруженной оппозиции, именно здесь, если это был действительно он, остановился на ночлег. И в последней машине его колонны оказалось, как догадался Котов, двое заложников, две жертвы, которым только что бросили оранжевые балахоны. Значит, на рассвете их казнят, это было очевидным. И значит, этой ночью нужно Турая брать.

– Ну что они там? – К Котову подполз его заместитель, старший лейтенант Белов, и улегся рядом с биноклем. – Черт, не видать ничего. Они что, этих к казни готовят?

– Похоже на то, – отозвался командир.

– Обидно будет, если мы дело сделаем, а это окажется не Турай. Куда нам с освобожденными пленниками деваться? Это же такая обуза. Ладно бы, оба мужиками были, а то бабу еще с собой таскать придется.

– Грубый ты, Белов, – усмехнулся Котов, положив руки под подбородок. – Не видишь и не ценишь прекрасного. Ба-

ба! Женщина... к тому же, может, и красивая. Журналистка, скорее всего.

– Кстати, о красоте, командир, – пряча улыбку, заметил Белов. – Почему мне на помощь никогда красивые девушки не бросаются, а за тобой Мариам вон как тогда под Сурумом сиганула.

– Фу, – поморщился Котов и несколько раз провел ладонью по своим коротким светлым волосам, чуть взъерошив их. – Как-то ты, Сашка, о возвышенном и в таких выражениях. Сиганула!

Белов хорошо знал своего командира. И это движение ладони по волосам... Так капитан делает всегда, когда смущен, когда напряженно размышляет, ищет ответ, планирует операцию. Чего это он по вихрам себя гладит, если к Мариам равнодушен. Половину ночи он под разбитым БМП с ней сидел, а она первая бросилась через простреливаемую зону к нему, узнав в неизвестном Котова через оптический прицел снайперской винтовки.

– Вообще-то она хорошая девчонка, – проговорил он в пространство. – Только странная какая-то. И из группы снайперов чем-то неуловимо выделяется.

– Тем что она русская, – неожиданно ответил Котов.

Белов поперхнулся, откашлялся в кулак и с недоумением уставился на командира:

– Не понял. Как это, русская? В каком смысле?

– Наполовину русская, – тихо засмеялся Котов, снова под-

нося бинокль к глазам и разглядывая лагерь боевиков среди полуразрушенных стен старого поселка. – Ее отец, контр-адмирал Назими, в молодости учился у нас в Питере в Военно-морской академии.

– И нашалил? – многозначительно спросил Белов.

– Почему же сразу «нашалил»? – спокойно возразил Котов. – Встретил русскую девушку, женился на ней. А когда пришло время возвращаться на родину после окончания, она уехала с ним. Обычная история для иностранных студентов, курсантов и слушателей академий в нашей стране. Любовь, она знаешь, цвета кожи и этнической принадлежности не видит.

– И ты, я вижу, тоже тяготеешь к Мариам, невзирая на этнические различия.

– Да ладно тебе, – как-то очень поспешно ответил Котов. – Просто... мы с ней просто друзья. К тому же она мне жизнь спасала.

– Ну да, – покивал Белов головой, – ну да. А мать-то скучает, наверное, по землякам. Мог бы и навестить, сделать приятное. Оба из Питера...

– Нет у нее матери, Сашка. Умерла лет пятнадцать назад. Назими для нее и отец, и мать. Знаешь, какие у них трогательные отношения с отцом? Мы когда там под БМП с ней лежали, она много чего успела рассказать о себе. У них с отцом просто какая-то связь мистическая.

– Это как?

– Представляешь, у него номер флотского кортика заканчивается цифрами, которые совпадают с датой ее рождения. Она говорит, что не может погибнуть на войне, потому что ее защищает сила оружия ее отца.

– Да, бывает, – вздохнул Белов и приложил следом за командиром к глазам бинокль. – Ни черта ведь не видать. Придется еще минут двадцать ждать, когда основательно стемнеет, чтобы использовать ночную аппаратуру.

– Подождем, – спокойно отозвался командир. – Ночь длинная. Все равно атаковать будем под утро. Часика в четыре. Предложения есть?

– А как же, – с готовностью ответил Белов. – Поскольку близко подойти нам даже в темноте не удастся по открытой местности, мы подползаем на расстояние метров двадцати и замираем. Одна группа с восточной стороны, вторая – с западной. Снайперы блокируют транспорт на случай, если кто-то вырвется к машинам и попытается уехать. Ну, и дорабатывают на местности особенно ретивых и тяжело вооруженных. Начинаем с Лысакова. Лишай отвлекает внимание часовых ослиными криками – он отменно умеет это изображать, два Макса подбираются с восточной стороны, одним броском преодолевают расстояние и завязывают схватку. Снайперы кладут оставшихся часовых, западная группа атакует со своей стороны.

– Красиво, но не пойдет. В темноте мы можем и заложников вместе с террористами перестрелять. Но самое главное,

что и Турая тоже. А я Сидорину обещал его «тепленьким» привезти. Надо вызвать всех наружу.

– В смысле? – не понял Белов. – Поднять шухер, чтобы они сами вышли?

– Ну да.

Белов некоторое время молча смотрел на командира, потом перевел взгляд на лагерь боевиков и окружающую местность. Снова приложив бинокль к глазам, старший лейтенант стал водить им по местности, подолгу замирая на отдельных участках. Котов понимал, что сейчас его заместитель что-то планирует, измеряя дальномером расстояния, значит, идея появилась.

– Машина, – наконец изрек он. – Судя по тому, что они никакой аппаратуры не устанавливали, никаких датчиков движения, инфракрасных и тому подобного, наши парни смогут метров на двадцать подобраться к стенам. Потом пускаем машину, которая с включенными фарами станет ездить поблизости, как будто ищет дорогу или кого-то. Пока у них все глаза будут на неизвестных...

– А если еще наглее? – предложил Котов.

– Что, прямо совсем внаглую? – усмехнулся Белов. – Ладно, тогда машина у нас забуксует и будет страшно рычать двигателем. А Зима будет на всю пустыню орать по-арабски на нерадивого водителя, который машины засадил по самые оси, и на помощников, которые никак ее не могут вытолкнуть. Думаю, втроем они такой шум изобразить смогут. Па-

ру фраз ребята заучат, чтобы орать можно было втроем.

– Вот это уже лучше, – согласился Котов. – Пару минут часовые будут смотреть за светом фар, потом кто-то пойдет докладывать командиру. А спустя минут двадцать они поднимут «в ружье» всех, потому что неизвестно, кто тут в ночи шумит.

– Я даже думаю, что Турай отправит разведчиков, – предположил Белов. – Это минус три или четыре человека.

– Обязательно пошлет. В тылу у противника не послал бы, а на своей территории пошлет обязательно. Поэтому рвать мотор Зимин будет вон на том бугорке, – показал влево Котов, – после того как вторая группа займет позицию между машиной и лагерем. Они и перехватят разведчиков. А снайперы с холмика будут через прицелы ночного видения держать лагерь и подыгрывать Зимину. Лейтенанту придется одному прыгать и скакать там. Увы, он у нас единственный штатный переводчик, квалифицированно ругаться по-арабски он один умеет.

– Я где? Иду со штурмовой группой?

Вопрос был резонный, но капитан ответил не сразу. Задача была поставлена командованием строгая – только живьем. Если они в процессе этой операции Гияса Турая случайно застрелят, то это будет означать почти провал. И Котова подмывало самому идти с основной группой и руководить захватом. Но, с другой стороны, его долг командира, руководившего всей операцией, заключался в том, чтобы нахо-

диться со второй группой, второстепенной. Он должен был видеть весь ход боя со стороны, должен был принимать решение при малейшем изменении ситуации.

– Конечно, – равнодушно ответил Котов, – кого же я еще туда пошлю? Ты ведешь основную группу, я со второй прикрываю и поддерживаю тебя. Слежу за обстановкой в целом.

Оставив на наблюдательном пункте лучших снайперов, а значит, самых внимательных и «глазастых» Алейникова и Крякина, офицеры вернулись к своим бойцам. Котов коротко обрисовал ситуацию, набросав на листке бумаги схему строений и порядок действий. Когда он объяснял задачу лейтенанту Зимину, бойцы старательно сдерживали смешки, соблюдая субординацию, но роль переводчика действительно была вполне комичной. Правда, смеяться над лейтенантом быстро расхотелось. За эти почти три месяца работы в Сирии все члены группы капитана Котова убедились, что их переводчик, выпускник МГУ, вполне боевой и толковый парень. Он многому уже научился, участвовал наравне с другими в боевых операциях, а не только помогал допрашивать пленных и переводить найденные документы.

В час ночи капитан отдал приказ выдвигаться. Белов и двое лучших мастеров рукопашного боя Максим Савичев и Максим Ларкин, два друга, «два Макса», как их звали ребята, тихо исчезли в темноте. За ними последовали еще пятеро бойцов группы. Офицеры отобрали именно тех, кто хорошо ориентировался в темноте и умел прекрасно стрелять

«на слух».

– Пошли, – коротко приказал Котов четверке бойцов, которые должны были идти с ним.

Зимин кивнул командиру и посмотрел на наручные часы со светящимся циферблатом. Его задачей было вместе с двумя снайперами «поездить» вокруг лагеря боевиков, а когда поступит сигнал от Котова, «застрять» на возвышении в прямой видимости из лагеря и начать там шум, который должен показать боевикам Гияса Турая, что люди в машине о нем не знают и оказались тут случайно. Главное, отвлечь внимание часовых, а потом заставить Турая поднять всех своих бойцов на ноги и вывести к стенам на случай опасности со стороны незнакомцев.

Конечно, Турай не новичок. Он выставит наблюдение по всему периметру, но чисто психологически сначалаотреагирует на машину. Пусть пару минут у него займет анализ ситуации и принятие решений, но эта пара минут даст спецназовцам возможность подойти на расстояние короткого броска. И когда Турай заставит своих расслабившихся от спокойной жизни бойцов наблюдать во все стороны, они уже попадут под удар.

Это в теории. А на практике очень часто все происходит не совсем так, как планируется. Часто появляются какие-то осложнения, неожиданности, которые необходимо нивелировать. Вот для этого командир и должен быть не на острие удара, а сзади, чтобы держать руку на пульсе операции и во-

время принимать решения для ее дальнейшего завершения и достижения основной цели. В таких случаях Котов вспоминал своих преподавателей по тактике в училище, инструкторов в центре подготовки и... фильм «Чапаев». Там главный герой устами актера Бабочкина очень доходчиво объяснял, где должен находиться командир на очередном этапе боя.

Передвигаясь в темноте, как тени, сливаясь с чернотой ночи, спецназовцы сближались с разрушенными стенами заброшенного поселка. И тут Котов уловил звук автомобильного мотора. Сначала он чуть не вспылil, решив, что это Зимин раньше времени завел один из пикапов, но тут же понял, что звук мотора раздается из лагеря боевиков.

– Замерли все! – злобно прошипел Котов в коммуникатор и сделал знак бойцам своей группы, чтобы они легли на землю.

– Барс, это Седой! – раздался в коммуникаторе голос Белова. – У «бандерлогов» завели машину.

– Седой, замри! – приказал командир. – Не попади под свет фар!

Мысли в голове Котова рванули, как резвый скакун с места в карьер! Одна машина, или сейчас заведут все и уедут. Или уедет кто-то один? Турай? Или они сейчас ночью хотят казнить заложников при свете фар? И машину перехватить они не успеют, потому что звук второй машины услышат в лагере, он их насторожит, и все полетит в тартарары! Вся операция коту под хвост, как говорит Сидорин, когда он

недоволен действиями группы капитана Котова.

– Зима, это Барс, – напряженным голосом отдал команду командир. – Зима, не трогать машину! Замри!

– Барс, уйдет ведь! – чуть ли не взмолился лейтенант Зимин. – А если это наш «клиент»?

– Молчать! Наблюдать! Не двигаться! – недовольно оборвал переводчика Котов.

По камням лизнули светом фары пикапа боевиков. Машина развернулась и двинулась неторопливо к холму, на котором вскоре должен был разыграть свой спектакль Зимин.

Черт, на двадцать минут раньше начини мы выдвигаться, подумал Котов, и точно попали бы сейчас под фары. Началась бы большая пальба, и чем все закончилось бы, неизвестно. Нет, мы бы их перестреляли бы, конечно, но Турай! А если это Турай уезжает? Плевать, пусть! Мы тут закончим минут за пятнадцать-двадцать, а потом догоним, если надо. Без фар он не поедет, колеса переломает. Услышит стрельбу и встанет, а мы засечем азимут, прикинем расстояние и по светлomu догоним. А если он ночью пешком захочет уйти, то мы на машине его догоним быстро. Тут до шоссе километров сорок. Пешком ему идти несколько часов. Куда он денется!

– Сокол, я – Барс! – позвал командир лучшего снайпера Алейникова.

– Сокол на связи.

– Сокол, ты с нами не участвуешь. У тебя задание – только эта машина. Зафиксируй направление, води ее, пока не

исчезнет из поля зрения. Что с ней делать, потом решим.

– Понял, веду машину, в ней только один человек.

Командир невольно повернул голову вслед удаляющейся машине. Один? Черт, уже не догнать, и стрелять не получится, ночь, можно ухлопать. Ладно, пусть едет.

– Всем, я – Барс! – снова заговорил Котов в коммуникатор. – Моя группа лежит. Седой, пошел!

Котов понимал, что часовые, сколько их там ни есть, сейчас больше внимания уделяют невольно удаляющейся в ночь машине. И вряд ли их больше двух человек. Ну, может, трое.

– Барс, я – Седой! – неожиданно раздался голос Белова, который уже должен был выйти на позицию атаки.

– Что у тебя, Седой? – насторожился Котов, поправляя на лице прибор ночного видения и внимательно рассматривая обломки стен и строений.

– С моей стороны часовых двое. Ведут себя беспечно. Сейчас сошлись вместе, разговаривают. Думаю, что с вашей стороны еще один, не больше.

– Ты на позиции?

– Да. Жду приказа.

– Лежи, наблюдай, Седой. Я выдвигаюсь.

Котов и его бойцы двигались гусиным шагом, поворачиваясь каждый раз всем корпусом из стороны в сторону. Спешить нельзя, и Белову придется подождать. Звук мотора уже почти не слышать. А если? Идея пришла в голову мгновенно.

– Сокол, это Барс! Далеко ушла машина?

– Километра три.

– Зима, ты готов?

– Готов, Барс!

– Зима, слушай приказ! – торопливо заговорил командир. – Седой, слушай меня тоже! Зима, заводишь нашу лайбу, сажаешь к себе Боба и не спеша, в наглуую к тому месту, откуда только что отъехал пикап «бандерлогов»

– Ух, ты! – раздался и тут же замолк голос Бори Крякина, имевшего позывной «Боб».

– Зима, сколько тебе надо времени, чтобы завести машину, объехать этот бугор и спуститься к поселку?

Все все поняли. Вздыхнул, но промолчал только Коля Алейников, продолжавший через прицел ночного видения фиксировать передвижение удалявшейся в ночи машины. Да, тот, кто уехал, услышит стрельбу, но это пока не важно. Группа Котова замерла, стоя на одном колене.

И вот в ночной тишине ясно стал слышен звук автомобильного мотора. Мелькая фарами, пикап объезжал холм, спустился по склону. Сейчас кто-то там, в развалинах, побежит докладывать старшему о... возвращении машины. У них просто не должно иной мысли возникнуть, кроме той, что это возвращается уехавшая машина. Те же очертания, та же дуга для пулемета над крышей. И едет неторопливо той же дорогой, что и предыдущая машина. Кто еще может знать о ночлеге в этом месте группы Турая? Самое время!

– Седой, я – Барс! Играешь!

Котов ждал. Сейчас Белов там принимает решение, сейчас стволы с глушителями шевельнулись, выбирая цели, через прицелы ночного видения. Хорошо, если оба часовых, что шептались там недавно, так бы и стояли вместе.

– Барс, минус два! – торопливо крикнул Белов в коммуникатор. – Я пошел!

– Понял! – обрадовался Котов. Значит, двоих часовых они там сняли. – Зима, я – Барс. Работай! Мы прикроем.

Такие неожиданные повороты, такие экспромты во время операций Котов любил. Хотя любить их не следовало. Начальство любило, например, четко подготовленные, рассчитанные посекундно операции, с минимальным риском для жизни и здоровья личного состава. Котов был, в принципе, с начальством согласен. Но в полевых условиях чаще всего приходилось вот так полагаться на экспромт и вдохновение. Всего несколько минут надо Белову, чтобы тихо добежать до крайних стен. Всего несколько минут нужно Зимину и притаившемуся в машине вместе с ним Крякину, чтобы доехать до крайних развалин. И как только начнется стрельба, группа Котова бросится в атаку.

Риск минимальный. Не сразу там сообразят, что машина другая. Не сразу увидят, что через открытое пространство в крошечной темноте торопливо бегут люди в черном. После света фар они не смогут разглядеть спецназовцев, знал Котов. И в это время на стены и через проломы уже полезут бойцы Белова. Там сейчас такое начнется.

Все началось через четыре минуты. В свете фар мелькнули фигуры троих человек, вышедших из развалин навстречу машине. Машина остановилась, не доезжая метров десяти.

– Здесь Турай, – тихо проговорил Зимин, видимо, забыв от волнения про субординацию и не представившись командиру.

Но лейтенант сделал все правильно, он нашелся и повел себя довольно остроумно. Переводчик закричал что-то по-арабски, с раздражением и довольно властно. Освоил студент интонации, улыбнулся Котов на бегу. И тут же возле машины дважды вспыхнули одиночные выстрелы. Стреляли от машины в сторону поселка. Видимо, Крякин. И тут же шквал огня захлестнул восточную часть поселка.

– Двое налево! – приказал Котов своим бойцам и прибавил ходу.

Весь поселок – это едва ли десяток прижатых друг к другу домов, с небольшими дворами. Тут когда-то пасли баранов, стригли шерсть, может, выделявали кожу. С севера к поселку вел арык, который давно пересох. Тут и развернуться негде, думал капитан. Его бойцы бежали, рассредоточившись. Никто не стрелял, потому что не было целей, и можно случайно попасть в своих. Основную работу выполнит Белов со своей группой. Боковым зрением Котов заметил, что слева выскочили две фигуры. Кто-то из его бойцов короткими очередями свалил обоих. Все, на шумели и мы с этой стороны, подумал Котов, направляясь к машине, за которой сей-

час должен был прятаться Зимин.

Он упал возле нее, прислушиваясь к бешеной стрельбе, которая уже велась по всей территории развалин. Очень редко стреляли длинными очередями. Частые и очень короткие очереди. Или Белов уже всех перестрелял, или против нас тут ребята тренированные, с хорошей подготовкой, подумал Котов и только теперь сообразил, что Зимина около машины нет.

Высунувшись, он увидел два тела у крайней стены. Это те, кого свалил Крякин. Котов заглянул в машину. Зимина не было и в кабине. Голову оторву! Повоевать ему захотелось!

– Зима, я – Барс! Ответь, мать твою!..

– Барс, я – Зима! – громко и немного нервно ответил переводчик. – Заложники освобождены. Принял решения пока не выводить до полной зачистки.

– Сиди и не рыпайся! Седой!

– Заканчиваем, Барс! – сквозь грохот автоматных очередей ответил голос Белова. – Эх, епонский...

– Что у тебя?

– Да тут двое забаррикадировались и лупят из двух стволов как бешеные. Лимон, дотянись до них гранатами. Некогда!

– Осторожнее, Седой! Там может быть наш «клиент».

– Сова погнал его к вам.

– Барс, я – Сова! – запыхавшимся басом вклинился в разговор в эфире Савичев. – Спеленали голубчика. Да лежи

ты!...

Гулкий глухой удар с характерным выдохом, и довольный смешок Савичева. Кажется, он огрел кулаком пленника, чтобы тот не вырывался. И тут же два взрыва ручных гранат осветили место боя. Еще несколько очередей.

– Барс, я – Седой! У нас чисто.

Один за другим пошли доклады, и Котов поднялся в полный рост. Молодцы, быстро управились. Он вызвал Алейникова. Снайпер доложил, что, как только началась стрельба, удалявшаяся машина потушила фары. Или в низинку съехала, например, двинулась по сухому руслу реки, или остановилась. Котов понимал, что вряд ли такое совпадение возможно, чтобы и русло, и начавшаяся стрельба, скорее всего, водитель просто потушил фары. Три, четыре или пять километров. Догоним, решил он и двинулся в развалины.

Трупы боевиков лежали там, где их застало начало боя. Вот двое часовых, снятых выстрелами бесшумного оружия, вот трое, бросившихся отстреливаться у стены, и всех троих положили чуть ли не одной очередью. А вот этих убили, когда они между домами начали отступать. Дурачки, разве можно метаться в такой ситуации. Ага, вон кого-то гранатами забросали. Ну понятно, они бы тут долго могли отстреливаться, со всеми запасами пулеметных лент в коробках.

– Товарищ капитан! Пленники, – доложил Зимин, подводя к командиру мужчину и женщину.

В зеленом свете прибора ночного видения заложники вы-

глядели странно, почти гротескно. Котов сдвинул прибор на лоб и включил фонарь. Зимин последовал его примеру и включил свой. Женщина старательно прижимала к груди разорванную кофту. Брюки на коленках были разодраны, и она была босиком. Котов посмотрел женщине в лицо, на ее растрепанные короткие волосы, грязные полосы через скулу и щеку, но так и не смог определить ее возраст. Скорее всего, лет сорок. Европейка.

Мужчина выглядел уставшим и измученным. Он еле держался на ногах и подслеповато щурился на всех вокруг. Наверное, он носил очки, а теперь без них ничего толком не видел. Толстяк, лет пятидесяти, с большой лысиной и пухлыми грязными руками. Обнаженные по локоть, все в веснушках, они были покрыты рыжими мягкими волосами. Один из спецназовцев поддерживал мужчину под локоть.

– Ведите их к машине, – приказал Котов и пошел дальше, где спецназовцы выволакивали из крайнего разрушенного дома высокого мужчину со связанными за спиной руками.

– Он, – заявил Белов и, схватив пленника за волосы, поднял его лицо, подсвечивая его фонариком.

На Котова смотрели пронзительные черные глаза. Губы пленника кривились в презрительной усмешке. Подбежавший Зимин начал спрашивать:

– Кто вы? Назовите свое имя? Вы – Гияс Турай?

– Я – Гияс Турай, – перевел ответ лейтенант. – А вы кто такие? Подлые шакалы, нападающие ночью на спящих лю-

дей. Вы все умрете, вы ответите за смерть моих людей, шакалы!

— Он правда так чисто произнес слово «шакалы»? — удивился Котов, когда Зимин повторил ему дословно ответы пленника. — Что это он? Нервничает? Боится, что ли? Савичев! Иди сюда. Отвечаешь за пленника головой. Зимин, займись с ребятами документами, всех обыскать. Лимон! Отвечаешь за заложников. Чтобы они не пострадали и чтобы не сбежали. Белов! Возьми Алейникова и Крякина, и за уехавшей машиной!

Глава 2

Сирия. Дамаск. Международный аэропорт

Полковник Сидорин неожиданно приказал доставить Гияса Турая в Дамаск на военный аэродром. Вернувшийся ни с чем Белов только развел руками. Они нашли брошенную машину, но неизвестный, покинувший ночью лагерь Турая, как в воду канул. Сам террорист отвечать на вопросы отказался, и Котову оставалось только выполнить приказ своего начальника.

Через несколько часов дикой гонки на юг по раскаленной каменистой пустыне они вышли в безлюдный район, сплошь изрезанный руслами пересохших речек и ручьев. Отсюда, дождавшись вертолета, Котов отправил Белова выводить группу к себе на базу, а сам, забрав освобожденных европейцев, Зимина и «двух Максов» для охраны пленника, улетел в Дамаск. Капитану очень хотелось поговорить с европейцами, узнать, как они попали в руки террористов, но времени на эти разговоры у него просто не было. А в вертолете из-за шума двигателя не поговоришь.

Через три часа «Ми-8» без опознавательных знаков, двигаясь сложным маршрутом и постоянно меняя высоту, наконец проскочил линию соприкосновения правительственных сил и сил вооруженной оппозиции и устремился по прямой в сторону столицы. Сидорин встречал своих людей прямо на

аэродроме.

Одет полковник был как типичный европейский турист в южных странах. Легкие светлые ботинки, льняные легкие брюки и тонкая рубашка навыпуск, приоткрывавшая крепкую загорелую грудь с седыми волосками. Засунув руки в карманы брюк, Сидорин наблюдал через темные очки, как из вертолета выходят спецназовцы, буквально выволакивающие под руки пленного террориста, потом двух европейцев – мужчину и женщину, которых Котов, как мог, привел в порядок, дав возможность залатать одежду и умыться. Сам капитан вышел последним, закинув автомат на плечо и окинув взглядом летное поле.

Как он отвык от простой картины мирной гражданской жизни. Все эти месяцы командировки в Сирию группа спецназа проводила время или на своей базе на аэродроме «Хмеймим», или на заданиях, в очень далеких от мирной жизни местах, скорее в средоточии войны, зла и насилия. А тут... большие самолеты, светлые окна аэропорта, одного, кстати, из крупнейших в регионе. И такой мирный, похожий на доброго дядюшку Сидорин.

– Товарищ полковник! – Котов вытянулся, как того требовал устав. – Объект доставлен по вашему приказанию. Задание выполнено, потерь нет. Группа следует на базу.

– Ну, хорошо. – Сидорин пожал руку капитану, прервав доклад, и похлопал его по плечу: – Это те самые заложники, которых он хотел казнить?

– Да, я даже не успел с ними побеседовать. Надо было срочно покидать район, да еще одного типа мы там упустили. Кто такой, неизвестно. Он услышал стрельбу и, бросив машину, скрылся.

– Сплоховал, Боря, – покачал головой полковник, наблюдая, как спецназовцы заводят в автобус Турая. – Как ты мог его упустить? Не сориентировался?

– Он покинул лагерь неожиданно, Михаил Николаевич. Посреди ночи, в тот момент, когда мы выходили на позиции для атаки. Я бы мог успеть его остановить, но тогда мы переполошили бы весь лагерь террористов, и взять Турая было бы не так просто. А так... мы его спеленали «тепленьким», и этих двоих, – кивнул Котов на жавшихся к боку автобуса гражданских, – вытащили целыми.

– Надо было предвидеть возможность покидания лагеря кем-то, прежде чем начинать атаку, – сварливо стал читать нотации полковник. – Мне тебя учить, да? Учить, как блокировать территорию, на которой проводится боевая операция?

– Виноват, – буркнул Котов, косясь на лейтенанта Зимина, выжидательно стоявшего возле автобуса.

Ему хотелось возразить, что единственной целью, единственной задачей, которую ему поставили, был захват Гияса Турая. И он взял его живым и здоровым. И без потерь. Но капитан понимал, что Сидорин был прав и в другом. Спецназ ГРУ тем и отличается от обычного спецназа, что спосо-

бен выполнять сложные задания. Это все же подразделение военной разведки, и задачи разведки никто с них не снимал. И если удрал кто-то, явно важный, то это вина его, Котова, и никого больше. И оправдываться глупо. Как ни крути, а он упустил какую-то важную информацию.

И тут со стороны здания аэропорта подъехал белый микроавтобус, из которого почти на ходу выскочил сириец в военной форме с погонами рейда, что соответствовало званию майора европейских армий. Он подскочил к Сидорину, вскинул руку к форменной кепи и на плохом русском доложил, что он – рейд Бахтар, представитель «Shu`bat al-Mukhabarat al-`Askariyya»³, и прибыл за доставленным пленным.

Выслушав доклад, Сидорин кивнул майору и окликнул переводчика:

– Зимин!

– Я, товарищ полковник!

– Садись с ребятами и с представителем разведки в автобус. Сопроводите к ним в Дамаск Турая и ждите там. Я пришлю из посольства за вами машину.

Когда автобус уехал, Сидорин пригласил гражданских в микроавтобус. До города от аэродрома было всего 29 километров, но поговорить с освобожденными пленниками было уже можно. Они оказались французами, сотрудниками гуманитарной миссии в Ираке. Как попали в руки боевиков сирийской вооруженной оппозиции, они и сами не поняли. Ви-

---

³ Сирийская военная разведка.

димо, заблудились в районе иракско-сирийской границы.

Мужчина назвался Джосом Тарнье. Был он врачом-инфекционистом, сотрудником научного центра, разработавшим новую вакцину. Женщина, Люция Дормонд, была журналисткой, аккредитованной при миссии. Говорила она с жаром на хорошем английском, видимо, немного отошла от ужасов прошлой ночи, когда казалось, что от смерти ее отделяет всего пара часов.

Тарнье по-английски говорил отвратительно и большей частью молчал, предоставив отвечать на вопросы своей спутнице.

– Вы отвезете нас во французское посольство? Мы – граждане Французской Республики и находимся здесь на законных основаниях...

– Простите, мадам, – вежливо возразил Сидорин. – Вы были задержаны во время проведения антитеррористической операции на территории Сирии, хотя ваша миссия работает в Ираке. И то, что вас захватили и якобы хотели казнить террористы, мы знаем только с ваших слов. Мы просто обязаны установить ваши личности, проверить вашу непричастность к террористическим организациям, запрещенным как в нашей стране, так и в вашей. Мы, безусловно, уведомим французское посольство о вашем месте нахождения и попросим дипломатов помочь нам навести справки о вашей миссии и ваших личностях. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что здесь идет война и данные меры просто необходимы.

– Да... – нахмурилась журналистка и кивнула головой: – Вы действительно правы, господин... Э-э?

– Михайлов, – подсказал Сидорин. – Зовите меня, господин Михайлов.

– А вас, наш герой-спаситель, – с улыбкой повернулась Люция к Котову, – как вас зовут?

– А его называйте просто господин капитан, – улыбнулся в ответ добродушной улыбкой Сидорин.

Полковник, конечно, чуть кривил душой. Французы не знали, что среди документов убитых боевиков спецназовцы нашли паспорта Люции Дормонд и Джоса Тарнье и их удостоверения членов гуманитарной миссии. Через несколько минут расспросов Люция рассказала в характерной журналистской манере репортажа обо всем, что с ними случилось после их захвата боевиками. Обращались с ними поначалу вежливо. Но только до тех пор, пока не привезли в Алеппо. А там появился этот ужасный Гияс Турай, которому и передали французов, после чего начался самый настоящий ад.

– Вы понимаете, нас унижали как людей, вот что страшно! – нервно сжимала тонкие пальцы журналистка. – Нас низводили до состояния скотов, в нас хотели растоптать все человеческое. А потом как скот... ножом по горлу... как ба-ранов...

– Ну-ну, все уже закончилось, – старательно подбирая английские слова, успокаивающе проговорил Котов.

– Такое не забывается, – прикусив губу, заявила женщи-

на. – Вы не поверите, но если бы меня там насильовали, я, может, отнеслась к пережитому с меньшим драматизмом. В конце концов, я взрослая женщина... Но когда в тебе не видят человека как такового, это страшно!

– Гияс Турай – человек с садистскими наклонностями, – задумчиво произнес Сидорин, не поворачиваясь к французам. – Он преступник, даже по меркам военного времени, уголовный преступник и бандит. Это при любом раскладе оценок происходящего.

– Мадам Дормонд, – спросил Котов, – а кто в ту ночь, когда мы вас освободили, уехал из лагеря на машине? Я не думаю, что вы спали. Может, слышали что-то? Хотя вряд ли они говорили по-французски между собой.

– Я немного знаю арабский, – ответила Люция. – В достаточном объеме, чтобы общаться на бытовом уровне. Ну, может, чуть глубже. Я же не первый день работаю в странах арабского мира.

– И? – напрягся в ожидании Котов, покосившись на Сидорина, который тоже с интересом повернулся к француженке.

– Я не знаю, что это за человек, – поморщилась журналистка. – Один из них. Такой же бандит, как я полагаю. Я только поняла, что у него с этим вашим Тураем какие-то серьезные разногласия были. Наверное, из-за них он и уехал.

– А чуть подробнее? – попросил Сидорин. – В чем разногласия проявлялись, как к уехавшему относились другие боевики? Так сказать, его статус в иерархии террористической

организации?

– Наверное, высокий статус, – пожала плечами Люция. – Рядовые боевики его как-то сторонились. Или он держался от них в стороне. Он, как мне показалось, чего-то от Турая требовал, а тот не соглашался. Может быть, этот Хасан был недоволен остановкой на ночлег. Перед тем как уехать той ночью, вы правы, мы, конечно, с Джосом не спали, мне показалось, что Хасан порывался нас застрелить, но Турай тоже схватился за оружие. Потом мы услышали звук автомобильного мотора. А потом вы атаковали и... все.

– Хасаном его называли боевики? – почему-то переспросил Сидорин.

– Ну, не все боевики, а только Турай. Он обращался к нему так. А другие об этом человеке не разговаривали, по крайней мере, при нас с Джосом.

– Вам знакомо это имя, Михаил Николаевич? – спросил Котов по-русски у Сидорина.

– Боюсь, что да. Хотя имя Хасан в арабском мире одно из самых распространенных.

– И кто тот Хасан, о котором вы подумали?

– Я подумал о человеке по кличке Хасан. Есть одна личность, на хвост которой никак не могут наступить спецслужбы Сирии. Да и мы тоже пока его не нащупали. Боюсь, что он связан с американцами.

– Фигово, что я его упустил, – вздохнул Котов.

– М-да, – пожевал губами полковник. – Ну, это мог быть

и не он. С какой стати ему якшаться с «палачом», если он работает на иностранную разведку?

– Карта Дамаска.

– Что, карта Дамаска? – напрягся Сидорин.

– Среди документов у боевиков мы нашли карту Дамаска.

– Где она? Что за карта? Ты смотрел ее сам, Боря?

– Ничего в ней особенного, обычная типографская карта.

Крупномасштабная, с улицами и номерами домов. Надписи на арабском и английском, без пометок. Относительно новая, не засаленная, не протертая на сгибах. Я ее положил в общий пакет с найденными документами. Она у Зимина в том автобусе. А что? Вы полагаете, что...

– А черт его знает, Боря, – задумчиво покачал головой Сидорин. – По крайней мере, в столице мы предупредим, что Хасан мог пытаться пробраться туда. Вопрос – зачем?

– Есть в анналах его фотографии?

– Есть немного. Не очень, конечно, не строго анфас и профиль, но представление о нем имеется. Надо будет запросить технарей в нашем ведомстве, может, они уже сделали на него реконструкцию⁴. Тогда мы получим полный и четкий снимок его лица.

– Ясно. Передадите информацию сирийской военной разведке?

---

⁴ Имеется в виду компьютерная программа, реконструирующая внешность человека по нечетким фотографиям, по фотографиям, где нужный человек снят в неудобных для идентификации личности ракурсах. Используется система пропорций лица по прямым и косвенным признакам.

– Да, а они уже пусть решают, – кивнул Сидорин, посмотрев на уснувшего француза и разглядывающую город за окном автобуса его спутницу. – Контакты у меня с ними вроде хорошие, так что есть надежда, что сообщат, если Хасан проявится.

– И если это действительно был он, – подсказал Котов. – Я хотел вас попросить, Михаил Николаевич.

– Да? Слушаю.

– Можем мы с ребятами задержаться в Дамаске до завтра?

– Увольнительную просишь? – улыбнулся полковник. – Или дело какое есть в столице?

– Есть, – нехотя ответил Котов, понимая, что рассказывать все равно придется. – Хотел повидаться с девушкой. Она из группы снайперов, что работали с нами в двух операциях.

– Мариам? – тут же спросил Сидорин. – Дочь контр-адмирала аль-Назими?

– Уже знаете? – попытался улыбнуться капитан.

– А ты думал, – засмеялся полковник. – Ладно, разрешаю. Тем более что борт на «Хмеймим» будет только завтра. Машина привезет ребят в наше посольство, там в общежитии вам найдут комнату. Сам опечатаешь оружие.

– Безоружными по городу будем ходить? – удивился Котов.

– А ты уже отвык? – сделал большие глаза полковник.

– Да, извините. Понимаю, столица и все такое.

– Да, столица. И на улице не 2014 год. И даже не 2015-й. Сейчас это фактически мирный город, и нечего травмировать мирное население, которое начало привыкать жить без стрельбы, взрывов и смертей. К тому же вы спецназовцы или нет? Два Максима, так, кажется, у вас парни зовут Савичева и Ларкина, и без оружия напугают кого хочешь.

Автобус свернул на «Омар Бен Оль Хаттаб-стрит» к трехэтажному особняку российского посольства.

Комната, которую выделили спецназовцам, была очень маленькая. Четыре деревянные раскладушки стояли вдоль стен так тесно, что между ними к окну можно было пройти только боком. Но зато здесь была комната с душем и стиральной машинкой. И именно не тесная кабина, а просторная душевая с клеенчатой занавеской и голубым кафелем.

Котов лежал на своей постели, заложив руки за голову, и наслаждался тишиной и чистотой не столько помещения и простыней, сколько собственного тела. За дверью слышался плеск воды и довольное уханье двух друзей, Ларкина и Савичева. Поставленная на самый быстрый режим стирки машинка уже выдала порцию чистого нижнего белья, форменных футболок и носков и теперь старательно крутила в своем чреве армейские бриджи...

Дверь распахнулась, и на пороге появился довольный лейтенант Зимин. Он втащил гладильную доску и большой утюг.

– Во, выпросил, – объявил он, бросая утюг на постель и

раскладывая доску у стены. – Исключительно за счет личного обаяния.

– Небось завхозу стихи читал? – улыбнулся Котов.

Переводчик посмотрел на командира странным взглядом и хмыкнул.

– Ну-ка, ну-ка? В глаза посмотри своему командиру! – вскинул брови Котов.

– Борис Андреевич, – проникновенно отозвался Зимин, – хозяйством здесь заведует мужчина. Это выглядело бы несколько странно, если бы я... стихи.

– Вот Сидорин бы удивился, – засмеялся Котов, – если бы ему доложили, что один из его подчиненных подбивал клинья к сотруднику посольства. Таких талантов он в наших рядах еще не видывал. – Видя, как вспыхнул лейтенант, он сразу стал серьезным: – Ладно, шучу. Казарменный юмор!

Телефон, лежавший возле ноги, завибрировал, а потом разразился жизнерадостными трелями. Зимин, гладивший свою футболку, покосился на командира.

– Да! Я слушаю! – схватил трубку Котов.

– Привет, капитан Котов! – раздался женский голос, говоривший по-русски с еле уловимым акцентом. – Вы уже в столице?

От этого совсем русского «привет» на душе стало тепло. Еще минуту назад Котов не представлял, как и о чем будет говорить с девушкой, сидя в кафе. Да, во время боя, под разбитым БМП, им было о чем говорить, а вот теперь... Но по-

сле ее слов все как-то встало на свои места.

– Привет, Маша! – весело отозвался он, неожиданно решив называть Мариам тоже по-своему, по-русски. – Да, мы здесь. Валяемся, отдыхаем. Ну как? Наша договоренность остается в силе? Вы покажете мне свою столицу?

– Насчет показать, не знаю, она очень большая, а вот посидеть с вами в кафе буду рада. Можно погулять по Старому городу. Там очень красиво.

– Я – «за» обеими руками, – согласился Котов.

– Тогда встречаемся в кафе «Джемини» на улице Баб Шарки в восемь вечера местного времени.

– Договорились.

– И еще, Борис... – Девушка чуть замялась, и Котов насторожился.

– Да?

– Вы не против, если я познакомлю вас с моим отцом? Я много ему о вас рассказывала. Он привезет меня в кафе на машине, я вас познакомлю, а потом он уедет. У него теперь будет мало свободного времени. Вы не против?

– Конечно, не против.

– Можно вас попросить... назовите меня еще раз... по-русски Машей.

– Хорошо, – засмеялся Котов. – Мне очень приятно вас так называть, Маша.

В половине восьмого вечера капитан прогуливался со своими спецназовцами по старинным камням освещенной фо-

нарядами и витринами улице так называемого Старого города. Восточный колорит чувствовался во всем, несмотря на то что было много молодых людей в джинсах, а девушки на людях не прикрывали волосы. Правда, достаточно было людей и в национальных костюмах. Зимин шел рядом и рассуждал по этому же поводу о светском государстве и свободе воли. И о том, почему в Сирии большинство населения так поддерживает президента Асада. Ларкин и Савичев с независимым видом шли сзади, засунув руки в карманы армейских бриджей, и улыбались как мартовские коты.

Вообще-то перед выходом из посольства командир строго в очередной раз прочитал двум Максимах нотацию о правилах поведения в исламском мире. Не важно, что женщины здесь часто не носят паранджу и не покрывают головы платками. Не важно, что люди на улицах выглядят почти так же, как и в любом европейском городе. Любой взгляд на женщину может выглядеть оскорбительным, любая улыбка или, хуже того, попытка заговорить может расцениться местными мужчинами как непристойное поведение.

В незнакомцах, одетых в обычные армейские футболки песочного цвета, такие же бриджи, заправленные в светлые берцы, большинство сразу распознавало русских. Смотрели с уважением, с интересом, приветливо. Часто слышались одобрительные возгласы и приветствия из-за столиков открытых уличных кафе или просто от прохожих мужчин. Часто на плохом, но вполне узнаваемом русском языке.

У Римской арки, которая делит Прямую улицу на улицу Мидхат-паша и Баб Шарки, Котов остановился и повернулся к своим подчиненным:

– Ну, ладно, парни, отдыхайте. Надеюсь, что ни мне, ни полковнику Сидорину краснеть не придется. Зимин, одно замечание, и можешь этих молодцев в приказном порядке возвращать на кровать.

– Да ладно, товарищ капитан, – загудели спецназовцы с высоты своего гренадерского роста. – Когда мы себя вели неприлично? Мы же понимаем. Вон и лейтенант Зимин с нами. Он не позволит, если что. Да и сами не маленькие...

– Все будет нормально, Борис Андреевич, – заверил чуть покрасневший от смущения и ответственности переводчик. – Ребята взрослые, не подростки же. Счастливо и вам отдохнуть. Мариам боевой от нас привет!

– Ну, все, – сказал Котов, отводя глаза. – Завтра отсыпаться, отдыхать, а после обеда Сидорин обещал борт на базу. Кстати, пришло сообщение, что группа благополучно вышла. И без происшествий.

– Ну кто б сомневался, – шумно обрадовались спецназовцы, – чтобы Седой, и не вывел! Значит, и у наших отсыпные дни! Душик, горячий завтрак, супчик на обед... с мяском...

Котов махнул рукой, подмигнул Зимину и пошел по узкой старинной улице. Здесь было малоллюдно. Где-то играла музыка. Слышались нежные звуки нашаткара⁵, в окнах видне-

---

⁵ Тип лютни с металлическими струнами.

лисьдвигающиеся тела юношей и девушек, танцующих дабку. Зрелые мужчины сидели за кальяном, неспешно беседовали и одобрительно смотрели, как веселится молодежь, видимо, вспоминая свои молодые годы.

Перед русским военным вежливо расступались, Котов скупно улыбался и кивал в ответ головой. Он не спросил у Мариам точно адреса кафе и теперь внимательно смотрел на вывески, написанные по-арабски и по-английски. По узкой мощеной улице изредка проезжали машины. Котов всматривался в темные кабины, пытаясь разглядеть внутри мужчину в военной флотской форме и молодую женщину.

Впереди, метрах в ста, у ярко освещенного входа в какое-то здание остановилась машина. Из дверей здания вышел военный. Подошел к ней, взялся за ручку задней двери, и тут...

Взрыв был такой сильный, что сорвало две автомобильные дверки и капот. Машину подбросило над мостовой, а когда она упала, всю ее сразу объяло пламенем. Военного отбросило на несколько метров, и он лежал на асфальте без движения. Визжали женщины, громко кричали мужчины. Из освещенного кафе выбежал человек с огнетушителем, но ему никак не удавалось подойти близко к горевшей машине. Из соседнего здания кто-то выкатил большой баллон с противопожарной пеной, и белая струя ударила внутрь салона. Где-то разбили оконное стекло и вытянули на улицу пожарный рукав, видимо, подключенный к системе высокого дав-

ления. Пламя с двигателя сбили почти сразу, и по улице вниз потекла грязная вода с запахом масла и бензина.

Котов опомнился, когда уже стоял рядом с машиной. Сгоревшие тела в салоне, все в белой пене. Трое... водитель на переднем сиденье, склонившийся грудью на руль, и двое на заднем сиденье... даже на взгляд не установить пол пассажиров. В груди русского капитана сердце билось гулко и часто, будто чья-то рука схватила его, сжала и била изнутри по грудной клетке. Мариам... Мариам... Почему? Кто?

И, как только в голове появились вопросы, как только ледяной ужас чужой смерти, сжавший сердце, сполз, освобождая место профессиональным навыкам и способностям, сразу включились рефлексy. Машина, видимо, ехала долго, через весь город, значит, взрывчатка заложена была не сейчас и не здесь. Раньше! Или это часовой взрыватель, или дистанционный. Почему возле кафе, кто этот военный в форме, что подошел к машине? Котов посмотрел на тело погибшего мужчины. Без усов, высокий, довольно крепкий. А если... А если машину взорвали именно в тот момент, когда подошел к машине этот человек?..

Вокруг собиралось все больше и больше людей. Спецназoveц пробежал глазами по лицам людей. Боль, сожаление, ужас, сочувствие, настороженность... что?

Он вернулся взглядом назад и уперся в лицо молодого мужчины, стоявшего за спинами людей. Напряжен, очень внимателен.

Незнакомец почувствовал взгляд русского спецназовца, их глаза на миг встретились, и он тут же исчез. Кто это? Он? Не он? Почему стоял и не уходил, если это он привел в действие взрывное устройство? Да потому, что слишком заметно было бы на такой безлюдной улице сразу уходить после взрыва, когда все, наоборот, бегут к месту происшествия. А еще Котов успел заметить ремешок на плече неизвестного. Сумка на плече, ремешок от сумки?

Расталкивая людей, капитан бросился к тому месту, где только что видел незнакомого сирийца с небольшой дорожной сумкой. Вот только что этот человек стоял под деревом у закрытого рольставнями окна магазина – и вдруг исчез. Вправо по улице, влево?.. Нет, он не успел бы добежать ни до следующего перекрестка, ни до арки. И тут Котов заметил, что между двумя домами есть железная кованая калитка, а за ней ступени, ведущие куда-то вверх. Схватившись за решетку, он рванул калитку на себя – вверху, уже на последних ступенях, мелькнул черный ботинок и штанина. Мысленно издав разъяренный вопль, Котов бросился за ним, перепрыгивая через две ступени. Человек, которого он хотел настичь, кажется, понял, с кем имеет дело, и бежал, уже не скрываясь. Громкий топот ног, короткий женский вскрик, когда незнакомец прыгнул в чей-то частный двор, Котов, балансируя на высоте двух с половиной метров, пробежал по верхней части стены и прыгнул на соседнюю улицу.

Мужчина убегал, заметно прихрамывая. И сумка ему

очень мешала. Котов рванул следом со всей скоростью, на которую был способен. Мощная грудь работала, как кузнечные мехи, мышцы послушно сокращались. Сейчас капитан Котов чувствовал в себе столько силы, что готов был проламывать стены и переворачивать руками автомобили. Он догонит этого человека, он стиснет его куриную шею своими пальцами и выжмет из него до капли всю кровь, все признания. Кто и зачем убил Мариам и ее отца? Кто и зачем?

Парень резко свернул вправо, сбежал по ступеням и тут же бросился в другую сторону, потому что чуть не столкнулся с полицейским. Сумка, которая так ему мешала, полетела на камни мостовой прямо под ноги опешившему полицейскому.

– Сумку возьми! – заорал Котов по-английски, тыча на бегу пальцем в сторону валявшейся сумки. – Возьми сумку!

Знал этот человек английский или нет, но должен же он был понять, что все не просто так, должен был или услышать взрыв, или получить сообщение о взрыве на соседней улице. И человек в военной форме, пусть и не сириец внешне, за кем-то ведь гонится. И это должно что-то означать. Догадайся, мысленно попросил Котов.

Убегавший незнакомец явно стал сдавать, он дважды споткнулся, а потом перепрыгнул через низкое ограждение и снова свернул на ту же улицу, где столкнулся с полицейским. Котов заметил в конце перекресток и интенсивное автомобильное движение на смежной улице. Перемахнув через

ограждение, спецназовец в прыжке достал-таки беглеца, и каблук его ботинка впечатался сирийцу между лопаток. Парень охнул и с болезненным вскриком полетел на мостовую. Котов не удержался и упал тоже, но успел в падении поймать парня за ногу. Рывок, и Котов перехватил беглеца за руку, а потом сгибом локтя за шею. Он уже видел перед собой выпученные глаза, открытый слюнявый рот запыхавшегося человека, и вдруг...

Голова как будто раскололась от резкой боли. Мир в глазах Котова вспыхнул всеми цветами радуги и куда-то провалился на миг. Руки ослабли, они хватали и не могли ухватить воздух. Боль была резкой, острой, болезненно-пульсирующей. Потом от холода стало ломить голову неимоверно, но зато Котов ощутил освежающее блаженство... когда вода потекла ему на шею, на грудь. Что-то мягко касалось его лица. Он открыл глаза и понял, что лежит на спине, фактически на коленях какой-то женщины, что ему брызжут на лицо водой и в район затылка прикладывают мокрую тряпку.

Застонав, спецназовец попытался приподняться и посмотреть по сторонам. Он вспомнил, как бежал за молодым мужчиной, как уже схватил его, а потом, наверное, его двинули чем-то по голове. Ждали его тут, не зря же он так сюда стремился. Значит, Котов его спугнул, а парень бежал к тому месту, где его ждала машина. Да... Там же Мариам погибла!

Снова появилось лицо того самого полицейского, которому беглец уронил под ноги свою сумку. Полицейский держал

эту сумку в руках и что-то говорил Котову по-арабски. Потом попытался что-то сказать по-английски, но Котов понял только слова «взрыв», «террорист», «Баб Шарки». Он закивал, хотя это было тошнотворно больно, повторил «взрыв», «Баб Шарки» – и указал на сумку, а потом в сторону соседней улицы.

Капитана привезли к кафе «Джемини» на полицейской машине. Он чувствовал себя уже лучше и сам вышел из машины. К нему подбежали Зимин и двое его спецназовцев.

– Что случилось, товарищ капитан? Как вы? Живы? Говорят, что это террористический акт и что погиб офицер сирийского ВМФ. Контр-адмирал Назими.

Котов только кивнул головой и подошел к черным мешкам, в которые уже упаковали тела погибших. Его вдруг тронули за локоть. Обернувшись, он увидел рейда Сани, командира правительственного батальона, с которым они вместе освобождали городок Сурум. Сирийский офицер заговорил, поглядывая на Зимина. Лейтенант кивнул и стал переводить:

– Здесь вместе с адмиралом Назими и Мариам погиб еще и мой офицер, мулязим авваль⁶ Бакир. Вы помните его. Мы пришли, чтобы поприветствовать отца нашей славной Мариам адмирала Назими и поздороваться с вами, капитан. Бакир вышел к машине, когда она подъехала, а я сидел в кафе, когда все это произошло.

---

⁶ Мулязим авваль (1-й лейтенант) – звание в сирийской армии, соответствующее званию старшего лейтенанта.

Котов молча кивнул. Говорить больше было не о чем. Он избегал смотреть на черные мешки с телами, и Сани, кажется, понял это по-своему.

– Это она, я уверен. Некому больше было находиться в машине адмирала. К тому же я знал, что Мариам хотела познакомить своего отца с вами, капитан. А рядом с ней сидел ее отец. Это тоже совершенно точно. Это его служебная машина, я хорошо знаю ее номер. Сегодня страна понесла тяжелые потери. И заслуженный офицер флота, и юная патриотка.

Котову очень хотелось, чтобы Сани замолчал. Но сириец все говорил и говорил, а Зимину приходилось все это переводить. Вдруг сириец стал чем-то тыкать ему в руку.

– Возьмите на память, – перевел Зимин, взволнованно глядя то на своего командира, то на сирийского офицера. – Это символ, хороший символ. Это оружие погибшего друга, а Назими всегда был другом вашей страны, как и вы, капитан, друг нашей страны, нашего народа.

Котов посмотрел, чем тыкал его сириец, и увидел флотский офицерский кортик в ножнах с металлическими накладками. Рукоятка была чуть оплавлена, ножны в копоты, часть накладок сорвана. Он машинально принял кортик, но потом вопрошающе посмотрел на полицейских, которые сустились на месте происшествия. Сани понял взгляд русского офицера и произнес:

– Полиция не возражает. Это символ. Они понимают. Они

разделяют нашу скорбь. Берите. И храните его как память о нашей стране и нашей с вами совместной борьбе.

Глава 3

– Ну и где он? – барабанил пальцами по крышке стола, наконец спросил Сидорин.

Полковник выслушал доклад Зимина, пояснения Ларкина и Савичева, потом долго молчал, к удивлению спецназовцев. Постели были разобраны, спецназовцы укладывались уже спать, и только раскладушка Котова стояла аккуратно застеленная. Сидорин появился неожиданно, застав половину группы в трусах.

– Понимаете, он запретил нам идти с ним, – понизив для чего-то голос, напомнил Зимин.

– Послал он нас, – усмехнулся Максим Савичев. – Далеко. Ну, мы, как дисциплинированные солдаты, и пошли. Сюда.

– Если прикажете, то мы, конечно, – пробубнил Ларкин, – поищем командира. Можно просто позвонить ему на мобилу, только он будет очень недоволен.

– А, что? – поднял на спецназовца глаза полковник, явно думая о чем-то совсем другом. – Н-нет, искать не надо. Не война. Ладно, ребята, отдыхайте. О Котове не волнуйтесь, найдем. Неприятно это все. Гибель адмирала, девушки-снайпера. Да еще на его глазах.

– Вообще-то наш командир не из впечатлительных, – пожал плечами Савичев.

– А если это любовь? – глубокомысленно заметил Зимин.

Спецназовцы только хмыкнули и скривили губы. Сидорин слушал бойцов и как будто не слышал. Он поднялся со стула, постоял немного, глядя в окно на освещенную улицу, потом повторил со странной интонацией слово «любовь» и вышел из комнаты. Зайдя в помещение охраны, полковник пома- нил пальцем дежурного офицера. Через пятнадцать минут на экране компьютера на схеме Дамаска замигала красная точка, соответствующая месту нахождения мобильного телефона капитана Котова. Это был самый большой парк столицы – Парк Тишрин. И в этом парке, на берегу реки Тора, сейчас находился Котов.

– Романтик хренов, – проворчал полковник и вышел на улицу.

Ни Зимин, ни другие спецназовцы даже не задумывались, что все их мобильные телефоны, которыми они пользовались здесь, в Сирии, конечно, не во время операций, отслеживались руководством через навигационную систему. И Сидорин легко и просто узнал, где ему искать своего офицера.

Котова полковник нашел сидящим на берегу Торы в безлюдной части парка. Спецназовец, свесив ноги к воде, смотрел на темную реку. Рядом на траве стояла бутылка виски. На звук шагов он даже не обернулся, только взял бутылку и переставил ее на другую сторону, освобождая место рядом с собой.

Сидорин с кряхтением уселся и тихо произнес:

– Жалко девчонку. Я слышал, она по матери русская была. Удивляюсь, совсем девочки, а рвутся на передовую.

– И у нас так было, – ровным голосом отозвался Котов. – В 41-м.

– Да, комсомолки прямо со школьной скамьи, – кивнул полковник. – В радистки, в медицинские сестры, в снайперы, в летчицы. Ты как вообще?

Вопрос был задан совсем без перехода, и Котов это уловил. Он знал эту манеру своего начальника. Так Сидорин выделял, что в данный момент важно, а что нет. Что уже пройденный этап, а на чем следует сосредоточиться. Сейчас для него важно было, чтобы лучший командир его лучшей группы был боеспособен, адекватен и управляет.

– А что мне сделается, – пожал плечами капитан. – Война. Ребят терять больно, писать им домой об их гибели больно. Но это часть службы. А вот... И не ее смерть меня впечатлила, если вы об этом, Михаил Николаевич, а ее жизнь. Правда, теперь оборвавшаяся.

– Ну да, – покивал полковник, – ну да! Так вот, Борис, в этом деле явный след местной вооруженной оппозиции. И мне кажется, что целью был только сам адмирал. Видишь ли, я тут навел слегка справки и выяснил, что контр-адмирал аль-Назими назначен в координационную группу от правительственной армии к французам и не сегодня-завтра должен был отбыть на авианосец «Шарль де Голль».

– Видимо, кому-то не хотелось видеть его фигуру в этом

качестве? – спросил Котов.

– Не факт. Возможно, задумка гораздо тоньше. Видишь ли, Боря, в Женеве готовится конференция по Сирии. Тема уж больно важная для всех сторон – прекращение огня и мирное урегулирование кризиса. И очень соблазнительна идея сорвать эти переговоры, подставив Россию и именно ее сделав виновником срыва процесса мирного урегулирования.

– Конечно, им обидно, – засмеялся Котов. – Мы ведь вмешались фактически за считанные недели до падения Дамаска. Еще немного, и перестало бы существовать на карте еще одно государство – Сирийская Арабская Республика. Западная коалиция ведь только вид делала, что бомбила вооруженную оппозицию. Чуть было эту страну не постигла печальная участь Ливии. Но почему вы считаете, Михаил Николаевич, что именно оппозиция приложила руку к этому взрыву и почему считаете цели так далеко идущими?

– Боря, ты не подумал о том, что как-то очень уж много людей знало о вашей встрече с Мариам в кафе сегодня вечером?

– Много?

– Ну, подумай сам. Она приехала в столицу с юга, ее официально отпустило командование, предоставив краткосрочный отпуск. С ней, или следом за ней, приезжает командир батальона, к которому их группа снайперов была временно приписана. И приезжает не один, а с командиром одной из

своих рот. И они хотели поприветствовать тебя, поприветствовать адмирала Назими. То есть в той воинской части знали о вашей встрече.

– Опять же, – согласился Котов, – раз адмирал приехал на служебной машине с дочерью к кафе, значит, уже кто-то мог знать, куда и зачем они едут. Он ведь хотел со мной познакомиться. Да, получается, что чуть ли не все знали об этой встрече. Это что же, выходит, они и меня хотели убить, а пострадал сирийский офицер?

– Выходит, так, – кивнул полковник. – Громкое дело!

– Какая выгода меня убивать вместе с Назими?

– Не знаю пока. Но навскидку могу хоть дюжину вариантов набросать прямой и косвенной политической выгоды от этой акции.

– Ладно, не надо, – проворчал Котов, – я вам верю. Но зачем они убили Назими? Просто убрали высокопоставленного офицера флота? Чистой воды террористический акт?

– Меня это тоже смущает, Боря. Но для чего-то нужно. Например, чтобы его пост занял другой человек.

Сидорин увидел, что на траве рядом с капитаном лежит морской кортик, и взял его в руки. Подергав оружие, которое не хотело выходить из ножен, спросил:

– Это кортик Назими?

– Да. Тот майор, что батальоном командовал в Суруме, мне отдал. На память. Только он не открывается. Там, наверное, что-то погнулось. Заклинило от взрыва.

Сидорин отодвинулся чуть в сторону и повернулся так, чтобы на кортик падал свет паркового фонаря. Попытки приложить силу и вытащить клинок ни к чему не привели. Тогда полковник достал из кармана складной нож, склонился над оружием и принялся в нем ковыряться. Через пару минут с металлическим щелчком пружины клинок вышел из ножен.

– Вот, защелка замка застряла, – прокомментировал он, разглядывая оружие.

Котов посмотрел на кортик и равнодушно взял его в руки. Повертев им перед собой, капитан вдруг замер. Сидорин с недоумением посмотрел на него и понял, что Котов смотрит на ту часть клинка, что непосредственно примыкает к рукояти.

– Ты что, Борис?

– Это не тот кортик...

– В смысле? Ты что имеешь в виду?

– Михаил Николаевич! – Котов оживился, и его глаза странно заблестели в полумраке. – Это кортик не Назими. Это другой кортик.

– А ты откуда знаешь?

– Вот отсюда. – Котов постучал ногтем указательного пальца по выбитому на клинке возле рукояти номеру. – Мне сама Мариам говорила, что у них с отцом очень трогательные отношения, которыми они очень дорожат. И даже так получилось, чисто случайно, что последние четыре цифры на номере кортика ее отца совпадают с датой ее рождения.

Вот смотрите – 1809. И родилась она 18 сентября!

– Это не Назими?

– А с какого перепугу адмиралу флота надевать на пояс чужой кортик? Это наши могли перепутать, когда из сауны пьяные выбирались. А мы с вами в Сирии. Вы понимаете?

– Интересно верблюд пляшет, – пробормотал Сидорин, беря в руки кортик. – Но ведь это означает, что в машине могла быть не Мариам, а совершенно другая девушка!

– Вот тут я с вами не согласен. Не утешайте, – угрюмо усмехнулся Котов. – Девушка, скорее всего, была настоящая. Для достоверности, так сказать. Но где тогда сам Назими?

– Так, постой, Боря, – остановил его Сидорин. – Если это инсценировка гибели Назими, значит, живой Назими кому-то сильно нужен. И для чего-то. Для чего?

– Может, и не живой он им нужен, а только его тело, – пожал плечами Котов.

– Так, ладно! – Полковник решительно поднялся на ноги. – Сопли и слюни пока отставить. Может, твоя любовь еще и жива...

– Ну, какая любовь, Михаил Николаевич! Мы с ней просто подружились, она же моя землячка, она же питерская, это ее потом вывезли в Сирию, правда, совсем маленькую.

– Ну, ладно, ладно, – похлопал его по плечу полковник. – Не в этом дело! Дело в том, что нам надо бегом бежать в полицию. Даже нет, надо привлекать сирийскую военную разведку к этому делу. Они полицию заставят все очень быстро

сделать. И с анализами, и с опознанием.

– Послушайте! – Котов отмахивал шаги рядом с Сидориным, и полковник еле успевал за молодым офицером. – Мариам – военнослужащая, она в отпуске, убыла из части, значит, должна была отмечаться здесь в военной комендатуре. Порядок один во всех странах и армиях. Военнослужащие безучетно по стране не шатаются. Они подлежат быстрому оповещению в случае необходимости. Это как дважды два. Мы узнаем, где она остановилась!

– У отца? – предположил Сидорин.

– У Назими нет квартиры в Дамаске. Он жил на какой-то военно-морской базе, не знаю точно где. У него там квартира, судя по всему, была. Мариам так говорила.

– Ну, штаб ВМС находится у них в Латакии. Там же и главная база флота. А еще две базы в Тартусе и Мина-эль-Бейде. Ну, это мы выясним.

Котов с некоторой завистью слушал, как Сидорин бойко общается на арабском языке. Они сидели у заместителя коменданта в кабинете. Котов молча разглядывал собеседников. Заместитель коменданта листал принесенные ему журналы и торопливо, кажется, и без особой надобности, все время поправлял очки в тонкой оправе. Сидорин успевал говорить и с заместителем коменданта, и с коренастым человеком в костюме, шепнув перед началом разговора Котову,

что это мукаддам⁷ Тагир Шаммас из военной разведки.

И если заместитель коменданта был суетливым, больше похожим на сотрудника камеры хранения негабаритной ручной клади, то этот Шаммас выглядел мужчиной основательным, вдумчивым и неторопливым в словах и движениях. Правда, чувствовалось в нем что-то от сжатой пружины. Котов хорошо чувствовал в людях этот запас энергии, которая может разрядиться в любой момент, если возникнет необходимость.

– Она оставила данные отеля, где остановилась, – повернувшись к Котову, сообщил Сидорин по-русски. – Поехали.

Шаммас вел машину ловко, почти виртуозно. Они удалялись от центра на север, к Старому городу. Сидорин, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, повернувшись в полоборота к Котову, рассказывал ему, что знаком с Тагиром Шаммасом давно, лет восемь. Шаммас был ему чем-то обязан, о чем Сидорин рассказывать не стал, а только тихо посмеялся. По его мнению, Шаммасу верить можно, хоть он и работает в военной разведке.

Отель «Шахрай Лакшери» своим внешним видом сразу уносил в детские сказки о Востоке. И архитектура, и зелень двориков, все буквально было пропитано местными традициями и источало дух древнего города. Небольшой, тихий и очень уютный отель.

---

⁷ Воинское звание в сирийской армии, соответствующее званию подполковника.

Котов невольно вздохнул. Да, Мариам была девушкой с романтической душой, которая в равной мере впитала и русское, и арабское. Как-то после такого отеля уже не хотелось жить в большом, многоэтажном, суперсовременном здании. Сидорин оглянулся на капитана и замер у дверей. Нахмурившись, Котов поспешил догнать своего начальника, ругаясь на себя, что снова поддался слабости. Сейчас не горевать и тосковать надо, сейчас надо работать, если уж судьба подарила ниточку в этом деле.

Они задержались посреди небольшого холла, а Шаммас сразу подошел к молодой женщине-администратору и заговорил с ней в полголоса, показав свое служебное удостоверение. Женщина закивала и полезла в журнал. Потом взяла ключ из стеклянного ящичка на стене и двинулась к лестнице.

На втором этаже она свернула направо к дверям номеров, чьи окна выходили, как понял Котов, в тенистый двор отеля. Открыла ключом вторую от лестницы дверь и вопросительно посмотрела на мужчин. Сириец отстранил ее жестом и вошел первым, открыв дверь локтем и не прикасаясь к дверной ручке.

Номер был небольшой. Собственно, кроме двухспальной кровати, стола с креслом и настольной лампой и санузла с унитазом и душевой кабиной, тут ничего не было. В узкой прихожей имелся еще встроенный шкаф-купе с большим зеркалом. Бросив всего лишь один взгляд на комнату, Котов

сразу понял, что в номере что-то искали. Не хозяйка оставила этот беспорядок, кто-то чужой рылся в ее вещах так беспардонно.

— Администратор говорит, что они не решились делать уборку в номере, — перевел Сидорин слова женщины. — Хотели дождаться Мариам. Слишком все разбросано, они насторожились, но полицию вызывать не стали. Ведь заявления не было от проживающей в номере девушки.

— Дверь была так же, как и сейчас, заперта? — спросил Котов.

Сидорин тут же перевел вопрос администратору. Женщина заговорила очень быстро и взволнованно.

— Вот это их и волновало, — покачал головой полковник. — Девушка сдала вчера ключ, когда уходила из отеля. А горничная, которая должна была сделать уборку, обнаружила, что дверь в номер не заперта. Они решили, что Мариам забыла запереть. А если в номер *забирались воры, то опять же лучше дождаться хозяйку, чтобы узнать, не пропало ли у нее что-то из ценного.*

Да, Котов был согласен. Здесь не просто беспорядок, который оставил после себя человек, тем более девушка. Одежда сорвана с плечиков и валяется на полу. Ящики столика выдвинуты. Из одного все вывалено на кровать. Да и сам ящик лежит рядом на подушке. Матрац явно поднимали, чемодан лежит на полу, чуть ли не наизнанку вывернутый. Это был обыск. Торопливый, откровенный.

– Почему так откровенно? – спросил капитан Сидорина. – Даже скрыть не пытались.

– Может, торопились. Тут другой вопрос, Боря. А что же они искали? Она ведь не разведчица, не фельдъегерь, она просто солдат, которого отпустили в краткосрочный отпуск.

– Михаил Николаевич, – поднимая с пола тонкую косынку из невесомой прозрачной ткани, поинтересовался Котов, – а когда будет готова экспертиза опознания тел?

– Боишься, что это была она?

– Это не страх, – ответил капитан. – Мы предполагаем, что мужчина с кортиком был не контр-адмирал аль-Назими. Отсюда и предположение, что с ним в машине была не Мариам. И где сам адмирал? Где тогда его дочь, если при взрыве машины погибла все же не она? Просто это разные варианты. Разное развитие событий, в зависимости от того, чьи тела были в машине.

У сирийца зазвонил телефон. Сидорин сразу замолчал и стал смотреть на Шаммаса.

– Ну что там? – спросил Котов, догадавшись по интонациям и взглядам, которыми обменивались Сидорин с сирийским подполковником, о предмете разговора.

– Ему доложили, что Мариам приехала не одна. В отпуск она убыла из Сурума с другой девушкой из их подразделения. Эту девушку нашли и везут сюда.

Тридцать минут прошли незаметно. За это время офицеры обсудили план розыскных мероприятий для сирийской

разведки. Шаммас принял все с готовностью. Видимо, многое из предложенного ему Сидориным и Котовым уже сложилось в его голове в определенную картинку произошедшего, и какие-то свои выводы он сделал. Уже сегодня по месту службы и в квартире адмирала Назими будут работать эксперты. Оперативники минута за минутой проследят последние часы и дни жизни адмирала. Все его контакты будут тщательно выявлены и отработаны.

Девушка возникла на пороге неожиданно. Видно, она в последний момент вырвалась из рук сопровождавшего ее солдата и не дала ему возможности доложить о прибытии. Одета она была в военную форму и в руках держала форменную кепи. Эту девушку спецназовец знал. Он видел ее не раз в группе девушек-снайперов. Видел ее и рядом с Мариам. Котов сразу заметил, что девушка очень взволнована, хотя на лице ее было написано лишь сильное напряжение. Глядя на Шаммаса, она вскинула было руку к голове, чтобы отдать честь, потом вспомнила, что на ней нет головного убора, но не смутилась, только губу прикусила.

А потом она заметила сидящего в углу Котова, и сразу на лице сирийки промелькнула такая буря чувств, что спецназовец испугался, не судороги ли у нее начались.

– Командир, – громко произнесла девушка, пытаясь правильно произнести это слово по-русски. – Командир! – И вдруг кинулась к нему, схватила за руки, потом обернулась на других мужчин и... расплакалась. Ее мужественное ли-

до стало почти детским, из глаз ручьем потекли слезы. Она плакала навзрыд, прижимаясь к груди Котова и стискивая мокрыми от слез пальцами его футболку. Офицеру ничего не оставалось, как обнять девушку, погладить ее по голове и начать успокаивать по-русски. Сидорин смотрел на эту картину спокойно и с завидным терпением.

– Ну, все, все, – тихо говорил Котов. – Хватит. Ты же солдат, девочка!

Прекратил этот детский сад Шаммас. Он вдруг властным голосом потребовал от девушки представиться, и это подействовало удивительным образом. Девушка выпрямилась, смахнула тыльной стороной ладони влагу с лица, чуть вытянулась и коротко доложила. Единственное, что уловил Котов в этом потоке арабских слов, это ее имя – Хадиль.

Оказалось, что Хадиль прибыла в Дамаск вместе с Мариам. Она тоже получила отпуск по семейным обстоятельствам, у Хадиль в Дамаске жили ее родители, братья и сестры. Мариам, зная, что в доме родителей ее подруги и так не повернуться, категорически отказалась там останавливаться, пообещав, что обязательно навестит подругу и ее родственников. Была бы большая обида, если бы все не знали, что Мариам приехала к отцу. Это было святое, и ее перестали упрашивать.

А теперь, когда Хадиль узнала, что Мариам пропала при странных обстоятельствах, что, наверное, она погибла в машине во время взрыва вместе с отцом, девушка билась в ис-

терике. Она полагала, что, будь рядом с подругой, остановись все же Мариам в доме ее родителей, этой беды не случилось бы. Успокоить Хадилю удалось только минут через двадцать.

– Скажите, – спросил Сидорин девушку, – вы хорошо знаете вещи Мариам?

– Да, мы все знаем, что у кого есть, ведь в солдатских вещах ничего лишнего не бывает. Все, что нужно для военной жизни. Правда, Мариам собиралась в отпуск, поэтому взяла с собой кое-что из гражданского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.